

Рубинский Ю.И. (Москва)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАНЦИИ

Если территория Франции в Европе не менялась веками, то абсолютная и особенно относительная численность её населения не раз претерпевала существенные колебания, что не могло не отражаться как на жизни страны, так и на балансе её сил с соседями.

Сравнительно обширная площадь, мягкий и разнообразный климат, обилие влаги и плодородных земель объясняют тот факт, что Франция долгое время была самой населённой страной Европы. Уже две тысячи лет назад, после завоевания Галлии Юлием Цезарем, она насчитывала 6,7 млн. жителей - больше, чем любая другая провинция Римской империи. В Средние века, например в царствование Людовика IX Святого (1228 г.), французов насчитывалось уже 16 млн., во времена "короля-солнца" Людовика XIV (1700 г.) - 20 млн.

Их было тогда в полтора раза больше, чем немцев или итальянцев, втрое, чем испанцев. Франция превосходила по населению даже Россию времён Петра I. В середине XVII века (1650 г.) удельный вес Франции в населении Европы достигает 24,4% - каждый четвёртый европеец был французом.

Поскольку в те времена мощь государства определялась прежде всего числом подданных, способных платить налоги и поставлять солдат в армию, а французы, в подавляющем большинстве крестьяне, отвечали обоим этим требованиям, их монархи - от Бурбонов до Бонапартов - не раз претендовали на европейскую гегемонию. Немногими соперниками их в демографическом плане были сначала австро-испанская империя Габсбургов, с её огромными заморскими владениями, затем "владычица морей" - Британская империя, раньше вступившая на путь промышленной революции, наконец, бескрайняя Россия.

Положение начало существенно меняться с конца XVIII века. За два столетия (1740-1940 гг.) численность французов возросла не более чем на треть - с 30 до 40 млн, стабилизировавшись на этом уровне вплоть до второй половины XX века. За то же время население многих других европейских стран удвоилось или утроилось. По демографическому потенциалу Франция отстала сначала от России, затем от Германии, практически сравнявшись с Англией и Италией. Это в известной мере предопределило исход франко-прусской войны 1870-1871 годов, после которой потерпевшая тяжёлое поражение Франция могла обеспечивать собственную безопасность лишь в союзе с другими великими державами - Россией, Великобританией, США.

Одним из способов компенсации демографического упадка Франции служила колониальная экспансия: в середине XX века население французской империи накануне её крушения составляло 60 млн. человек - на половину больше, чем в метрополии. Известны боевые заслуги сенегальских или марокканских стрелков во французской армии в ходе Первой, а отчасти и во Второй мировых войн.

Другим, не менее важным способом являлась массовая иммиграция - сначала из более бедных европейских стран (Италия, Испания, Португалия, Польша), затем из бывших заморских владений, особенно стран Северной Африки - Алжира, Туниса, Марокко, снабжавших экономику дешёвой рабочей силой.

Демографические трудности, которые переживала Франция на протяжении полутора столетий, объяснялись отнюдь не биологическими причинами, как утверждали в своё время гитлеровские "теоретики" расизма, и даже не тяжёлыми потерями в ходе многочисленных войн. Другие европейские державы, особенно Россия и Германия, страдали от потерь на полях сражений ничуть не меньше Франции. Дело было прежде всего в социально-экономических факторах объективного и субъективного порядка.

Создав компактный слой мелкособственнического крестьянства, Великая Французская революция 1789 года ввела английское правило майората (наследования недвижимости старшим сыном) только в северной части страны, где сохранилось крупное помещичье землевладение.

На юге, где преобладала мелкая земельная собственность, после смерти главы семьи земля делилась между всеми потомками поровну. Стремясь избежать дробления земельных участков, крестьяне ограничивали число детей двумя-тремя, что, с учётом высокой тогда детской смертности, тормозило рождаемость.

Аналогичная мальтузианская психология была свойственна и представителям городских средних слоев того времени - торговцам и ремесленникам. "Этот средний класс формировал мелкую буржуазию, чьей амбицией являлось приравнивание к крупной буржуазии путём обогащения детей и их образования. Такая амбиция побуждала многие семейные пары ограничиваться одним ребёнком, чтобы обеспечить его социальное выдвижение", - отмечает известный французский социолог А. Мандрас. А коль скоро собственническое крестьянство и традиционные средние слои составляли вплоть до Второй мировой войны больше половины населения Франции, то неудивительно, что с 1806 года, когда впервые началась статистическая оценка рождаемости по годам, и на протяжении почти двухсот лет рождаемость во Франции установилась почти на одном и том же уровне - 1 млн. в XIX, 750-800 тыс. в XX веке. "Ни одна страна в мире не знала, видимо, подобного постоянства", - констатирует обзор французского Национального института демографических исследований.

Поскольку вплоть до Второй мировой войны смертность снижалась во Франции медленнее, чем в других европейских странах, прирост населения сокращался. В 1935 году смертность впервые превысила рождаемость на 18 тыс., в 1936 и 1937 годах - на 11 тыс., в предвоенном 1938-м - уже на 35 тыс. Между тем в соседних

странах ещё продолжался тогда абсолютный прирост населения -4 на тысячу в Англии, 8 - в Германии, 10 - в Италии. На этом основании авторитетный французский демограф Альфред Сови прогнозировал тогда, что к 1985 году ежегодный перевес смертности над рождаемостью во Франции превысит 400 тыс., а её население сократится до 30 млн. человек, т.е. вернётся к уровню начала XIX века.

Однако жизнь полностью опровергла эти мрачные прогнозы. После Второй мировой войны Франция, как и остальные европейские страны, пережила мощный всплеск рождаемости ("бэби-бум"). В основе его повсюду были одни и те же причины: возврат мужчин из армии, ускорение темпов роста экономики в связи с её восстановлением и коренной реконструкцией, наконец, просто надежды людей на лучшую жизнь после тяжёлых испытаний военных лет. Природа как бы компенсировала тем самым огромные людские потери в войне.

Во Франции эффект всех этих факторов оказался более значительным и длительным, чем у её европейских соседей, не только из-за низкого исходного рубежа, но и вследствие сдвигов в социальной структуре, где упала доля традиционного крестьянства, торговцев, ремесленников с их мальтузианской психологией, а в значительной мере также благодаря целенаправленной государственной политике поощрения рождаемости и помощи многодетным семьям. Начатая как национальный императив в 1930-х годах левыми правительствами Народного фронта, продолженная ультраправым режимом Виши во время Второй мировой войны, она окончательно оформилась после освобождения страны от нацистской оккупации в 1945-1946 годах, став одним из важнейших компонентов системы социальной защиты, по развитию которой Франция выдвинулась на одно из ведущих мест в Европе и в мире.

Улучшение демографической динамики во Франции к концу XX - началу XXI века во многом связано с изменениями политики государства в отношении проблем семьи.

За полвека, прошедшие после создания существующей системы соцобеспечения, роль пособий для многодетных, явившихся мощным катализатором "бэ-би-бума" первых послевоенных лет, заметно уменьшилась. Если вначале они составляли для семьи среднего достатка с двумя-тремя детьми существенное подспорье, давая 15-20% прибавки к доходам, то ныне эта доля сократилась почти вдвое. Дело не столько в высокой инфляции 50-70-х годов (покупательная способность пособий индексирована на рост цен), сколько в повышении общего жизненного уровня в стране за 50 лет в 3,5-4 раза. Естественно, что удельный вес пособий на детей в семейных бюджетах, а вместе с ним и их стимулирующая рождаемость роль заметно снизились.

В таких условиях правящие круги взяли курс, с одной стороны, на легализацию не оформленных юридически свободных сожителств и охрану прав рождённых вне брака детей (которых чуть ли не четверть, не считая детей разведённых родителей), а с другой - на значительное расширение сети дошкольных учреждений. Сейчас так называемых "материнских школ" для детей с трёх до шести или семи лет немногим меньше, чем начальных школ, обучение в которых уже полтора столетия является обязательным и бесплатным (хотя существуют и платные частные школы). Практически "материнские школы" во Франции - эквивалент российских детских садов, число которых явно недостаточно.

Результаты не заставили себя ждать: за вторую половину XX века население Франции увеличилось наполовину - с 40 до 60 млн. человек. Ранее для такого стремительного демографического скачка требовалось втрое больше времени.

Однако "бэби-бум" завершился в начале 70-х годов, когда подошло к концу так называемое "славное тридцатилетие" быстрых темпов экономического роста, снизившихся на протяжении последней четверти XX века вдвое: с 5,5-6 до 2-3% в год. Этому способствовали завершение послевоенной реконструкции, обострение конкурентной борьбы на мировых рынках с выходом на них ряда развивающихся стран Азии с их дешёвой рабочей силой, резкое вздорожание импортных энергоносителей. Нехватка рабочей силы сменилась хронической безработицей, достигшей почти 10% самодеятельного населения.

Дала себя знать и коренная ломка психологии, нравов, ценностных установок французского общества, значительно ускорившаяся после социально-политического кризиса мая-июня 1968 года. Продление срока обучения молодёжи в средней и высшей школе, оттягивающее брачный возраст, включение основной массы женщин в самостоятельную производственную деятельность, кризис традиционной семьи, наконец, совершенствование методов и правовых норм семейного планирования (появление эффективных противозачаточных меди-каментов, легализация аборт) - всё это вместе взятое не могло не отразиться на уровне рождаемости.

В 2001 году она составила во Франции 774,8 тыс. Число детей на женщину, способную по возрасту к деторождению (15-49 лет), достигало 1,9, тогда как минимум, необходимый для простого воспроизводства населения, равняется 2,1. Во время "бэби-бума" он поднимался до 2,4-2,6. Французские демографы заговорили о том, что "бэби-бум" сменился "бэби-крахом".

Тем не менее после временного спада, достигшего низшей точки в середине 1990-х годов, французская рождаемость снова обнаружила тенденцию к росту, хотя и весьма скромную: в 1997-2002 годах её ежегодный прирост достигал 65 тыс., несколько превысив 13 новорождённых на тысячу жителей. За тот же период смертность оставалась стабильной или несколько уменьшилась: в 2001 году она равнялась 528 тыс. В итоге чистый прирост населения Франции в начале XXI века достиг 327 тыс. человек в год, т.е. четыре на тысячу

жителей. Причем, из них 265,5 тыс. приходится на население самой Франции и только 62 тыс. - на иммиграцию.

В противоположность ситуации XIX и первой трети XX века демографическая динамика Франции выглядит ныне не хуже, а лучше, чем в большинстве других европейских стран. "С 1999 года Франция стала, наряду с Ирландией, чемпионом по рождаемости в Европе", - считает социолог Жерар Мерме. Например, в соседней Германии коэффициент плодovitости в 2002 году был на треть ниже, чем во Франции, - 1,3, а смертность превысила рождаемость на 122 тыс. К середине XXI века этот показатель грозит достигнуть 580 тыс. Без иммиграции население ФРГ встало бы на путь абсолютного сокращения, как это уже произошло в Восточной Европе, включая Россию.

Таким образом, по части демографической динамики соотношение между двумя крупнейшими континентальными странами Евросоюза оказалось обратным тому, каким оно было во время трёх войн между ними на протяжении жизни двух поколений - франко-прусской, Первой и Второй мировых. Это, наряду со многими другими факторами военно-политического порядка, сняло давний французский комплекс неполноценности перед лицом соседей за Рейном, способствуя франко-германскому примирению и привилегированному сотрудничеству - главному двигателю европейской интеграции.

Ещё более резок контраст при сравнении демографической динамики Франции и стран Южной или Восточной Европы. По оценкам ООН, к 2025 году население Южной Европы должно сократиться на 8 млн. человек, а Восточной - на 17 млн., тогда как во Франции оно увеличится на 4-5 млн.

На 1 января 2003 года население Франции составило 61,1 млн. человек, из которых 59,3 млн. - в метрополии и 1,8 млн. (4%) - в заморских департаментах и территориях. Если удельный вес населения Франции в мире не превышает 1%, обеспечивая ей скромное 20-е место среди 191 государства-члена ООН, то в Европе её доля достигает уже 11,5%. Это вдвое ниже, чем в середине XVIII века (23,6%), но всё же выше, чем в середине XX (10,6%). Среди 44 европейских государств Франция занимает третье место после России (114 млн. в европейской части РФ) и Германии (82 млн.), а среди 25 членов Евросоюза - второе после ФРГ. Это лучше, чем в 1975 году, когда она занимала в Европе только пятое место. Почти на том же уровне, но несколько ниже находятся Великобритания (59,1 млн.) и Италия (58,1 млн.).

Итак, в демографическом пейзаже Европы Франция выглядит ныне вполне достойно: не вернувшись ко временам Людовика XIV, она тем не менее прочно утвердила свой ранг как одна из четырёх крупнейших по населению стран Евросоюза. В обозримом будущем это её положение вряд ли изменится.

Серьёзную тревогу у французов вызывает теперь не демографическое положение их страны в Европе, а место Европы в целом, а следовательно, их самих в глобализованном мире. Если в 1950 году европейцы ещё составляли 22% населения планеты (54 млн.), то в 1975 году - уже 16,6 (676 млн.), в 2000 году - 12 (728 млн.), а в 2025 году их будет, по оценкам ООН, не более 9,1% (713 млн. из 9 млрд.).

Правда, по прогнозам демографов, в середине XXI века рост населения Земли, достигнув 9 млрд, остановится и начнёт постепенно сокращаться. Но к этому времени население Индии и Китая составит уже по 1,5 млрд. человек, т.е. треть человечества, а население Африки, стран арабского мира, Турции, Ирана, Латинской Америки как минимум удвоится. На этом фоне Европа, включая Францию, сможет сохранить свою роль одного из ведущих центров мировой цивилизации лишь при условии форсирования экономического роста на основе дальнейшего углубления и расширения интеграционных процессов.

Другой, не менее серьёзной причиной беспокойства французов является всё более явная неблагоприятная возрастная структура населения Европы и самой Франции. К концу XX века доля людей старше 65 лет составляла в Европе 14%, а молодёжи до 20 лет - 18%, тогда как в Азии, Африке, Америке первых было всего 5, а вторых - 35%.

Во Франции на протяжении трёх десятилетий, прошедших после окончания "бэби-бума" основным фактором, обеспечивающим рост населения, является не столько превышение рождаемости над смертностью и иммиграция, сколько увеличение средней продолжительности жизни благодаря успехам медицины и здравоохранения. Если после Второй мировой войны 60-летний француз мог надеяться прожить ещё 15,3 года, то к началу XXI века - уже 19,9. Для француженки соответствующие данные составили 18,1 и 25,1 лет. В 2001 году надежда на дожитие достигла у мужчин 75,5 лет, у женщин - 83 года. Больше долголетие только в Японии.

Следствием этого впечатляющего прогресса оказалось существенное изменение баланса между поколениями: "бэби крах" тридцати последних лет до того подточил основание возрастной пирамиды, что "она стала напоминать по форме туз пик, считающийся, как общеизвестно, предвестником беды", - утверждает французский демограф Ив-Мари Лолан.

В самом деле, к началу XXI века почти половину самодетельного населения Франции (42,4%) составляли так называемые "бэби-бумеры" - люди, родившиеся в 1946-1973 годах. Численность молодёжи до 25 лет выросла тогда на четверть - с 35,7 до 21,1 млн. Именно она была основной движущей силой мощного молодёжного движения в мае-июне 1968 года, способствовавшего модернизации нравов, привычек, образа жизни французов, особенно в том, что касается отношений между полами и поколениями. Вступив в зрелый возраст, она стала главной пружиной развития французской экономики в последней четверти XX и начале XXI

века, когда темпы её роста заметно притормозились. В этот период удельный вес людей старше 60 лет едва превышал 20% (каждый пятый француз).

В ближайшие годы это равновесие грозит нарушиться: к 2040 году уже каждый третий житель страны будет старше 60 лет. С 2006 года всё большее число "бэби-бумеров" начнёт достигать так называемого третьего, т.е. пенсионного возраста, что существенно увеличит нагрузку, ложащуюся на плечи всё менее многочисленных младших поколений. Если в 2001 году на десять работников приходилось четыре пенсионера, то в 2040 их будет уже семь.

Некоторые демографы и экономисты ссылаются на то, что относительное и даже абсолютное сокращение самодостаточного населения, ввиду падения рождаемости и роста продолжительности жизни, может быть компенсировано ростом производительности труда работающих поколений благодаря ускорению научно-технического прогресса. Очевидно тем не менее, что страна, большинство населения которой составляют люди преклонного возраста, неизбежно становится менее динамичной, более консервативной во всех отношениях, в том числе в научно-технической области, чем страна с более молодым населением.

Согласно прогнозам Национального института статистики и экономических исследований, к этому моменту население страны стабилизируется на уровне 65 млн. человек. При этом средний возраст французов повысится с 35,5 до 46 лет, а численность людей старше 60 лет почти удвоится - она вырастет с 12,2 до 22 млн. человек. Причём внутри этой возрастной группы доля представителей "четвёртого возраста" - самых старых поколений, которым будет свыше 75 лет, достигнет, а затем и превысит 17% населения страны вместо 7,1 в начале XXI века.

Столь глубокие сдвиги в возрастной структуре неизбежно приближают кризис существующей системы социального обеспечения, основанной на солидарности поколений и существующей благодаря широкомасштабному перераспределению их доходов государством. "Францию ожидают два демографических шока – удар по пенсиям с 2006 года, по бюджету здравоохранения и социальной защиты в ходе десятилетия 2010-2020 годов", - предсказывал академик Жак Дюпакье в докладе на коллоквиуме, посвящённом этой проблеме. Первые признаки этого кризиса уже дают о себе знать.

Литература:

1. Несмотря на то что из Германии, Италии, Испании, но особенно из Англии с XVIII века не прекращался мощный отток эмигрантов в Америку, Южную Африку, Австралию, тогда как Франция, напротив, сама привлекала иммигрантов из соседних стран.
2. Только наполеоновские походы начала XIX века обошлись Франции более чем в 2 млн убитых - в то время 15% всего взрослого мужского населения страны. Спустя столетие Первая мировая война унесла 1,6 млн погибших - 10%.
3. Heri Mendras et Laurence Dubois Freney. *Français, comme vous avez change. Histoire des Français depuis 1945.* Paris, 2004. P. 13.
4. Dominique et Michele Fremy. *Quid 2001.* P. 1613-1621.
5. *Population et Societes*, numero 378, avril 2002. P. 1.
6. *Gerard Mermet.* Francoscopie 2003. Paris, 2002. P. 162.
7. *The Wall Street Journal Europe*, Thursday, May 27, 2004.
8. *Gilles Pison.* La population de la France en 2001. "Population et Societes", INED, numero 392, juillet-aout 2003. P.1-8
9. *Gilles Pison.* La population de la France en 2001// "Population et Societes", INED, numero 392, juillet-aout 2003. P.1-8
10. Jacques Dupaguier. *Vers une depopulation de l'Europe// Geopolitique*, #74, juin 2001. P.3.
11. 15. *Ibidem.*
12. Yves-Marie Laulan. *L'Europe// malthusienne// Geopolitique*, #74, juin 2001. P.11.
13. *Tableaux de l'economie francaise. 2003-2004*, Paris, 2003. P. 100.
14. Jacques Dupaguier. *Population francaise: les perspectives demographiques.* "Retraites, sante: n'est-il pas trop tard?" Paris, 2002. P.44.